

Напротив, единичные эти предметы беспрерывно исчезают в процессе пищеварения, но пребывание единичных чувственных предметов вообще всегда остается как необходимое условие органической жизни. Наконец, право собственности занимает важное место в общественной жизни и точно так же обуславливается необходимо пребыванием единичного чувственного бытия: земли, домов, вещей и т. д., но, так же, как и органическая жизнь, нисколько не зависит от пребывания именно *этих* единичных предметов, от пребывания именно *этого* дома, *этих* вещей, которые беспрерывно разрушаются или клонятся к разрушению, оставляя право собственности неприкосновенным. Здесь могут возразить, что человек не бывает и не может быть до такой степени равнодушным к чувственным предметам, окружающим его, и что особенная привязанность к *этому* дому, к *этому* месту и к *этим* вещам есть самое обыкновенное и самое человеческое явление, так что человека, не имеющего такой привязанности, обыкновенно упрекают в холодности, в недостатке любви. Но это возражение нисколько не смутит нас: такая привязанность к чувственным предметам не относится непосредственно к ним, но к высшему духовному миру, освятившему их своим присутствием. *Этот* дом, *это* место существенны и важны для меня не сами по себе, но потому, что они освящены памятью моих родителей, родных, друзей, воспоминаниями моего детства или моей юности, так что в самой привязанности к ним уже заключается отрицание их, осуществление их ничтожества; человек не останавливается на них, но, возбужденный их созерцанием, *оставляет* их для того, чтоб перенестись в высший, духовный мир, находившийся с ними в соприкосновении, так что они не имеют значения в себе, но получают его от любви и воспоминаний человека. Наконец, нам могут заметить, что человек не может быть равнодушным к разрушению его дома, к покраже его вещей; но, во-первых, мы сами выше сказали, что собственность есть необходимое условие общественной жизни и что она невозможна без пребывания единичных чувственных предметов; во-вторых же, мы позволим себе повторить слова *Евангелия*:

*«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небеси, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровища ваши, там и сердце ваше».*¹

Христианское откровение вырывает человека из призраков чувственного бытия и переносит его в вечное Царство Духа, где истинная отчизна и единственное блаженство его.

Есть религия, принадлежащая к низшей степени развития человеческого духа, – *фетишизм*, состоящий в обоготворении единичных чувственных предметов: тряпок, кусков дерева и т. д. Его не должно смешивать с другими религиями, в которых, по-видимому, также поклоняются чувственным предметам – статуям, изваяниям, сделанным из дерева, из гранита или из мрамора, как, например, в Индии, в древнем Египте и в древней Греции. Эти религии несравненно выше фетишизма, потому что в них не чувственный предмет сам по себе составляет предмет поклонения, и не *этот* кусок дерева или камня, но изображение, изваянное на нем, так что единичный чувственный предмет служит только *средством* для изображения духовного содержания. Во всех этих религиях, начиная от индийской, где Дух еще борется с грубой и безобразной массивностью чувственного бытия, духовное содержание постепенно освобождается от чувственности, стремится к покорению ее и наконец достигает своего полного освобождения в образе *Юпитера Олимпийского*, изваянного Фидиасом и составляющего переход в свободную и бесконечную область *прекрасного*, где чувственность уже не имеет и призрака самостоятельного существования, но совершенно покорена духовному содержанию. В *фетишизме* же, напротив, поклоняются просто единичным чувственным предметам, *этому* камню, *этой* тряпке, без всякого отношения к высшему духовному содержанию. Человек, находящийся на такой степени развития, не имеет почти самосознания и никаких других потребностей, кроме чувственных и инстинктивных потребностей животного. Но человеческий дух не может долго оставаться на этой низкой, ограниченной степени своего развития. По себе (*an sich*), в возможности он есть бесконечная истина, а потому и противоречие своей возможности с своею ограничекою действительностью. Это противоречие не позволяет ему долго пребывать в ограниченности, но беспрестанно гонит его вперед, к осуществлению внутренней возможной истины, и возвышает его беспрестанно над его внешней моментальной ограниченностью. Рассказывают, что у *калмыков* каждый имеет своего божка, идола, которому он поклоняется и которому в знак особенного почитания намазывает рот сметаною; но если этот божок не исполняет его молитвы, то он бьет его, а наконец и совсем разбивает, и заменяет другим.

---

¹ Матф. 6, 19–21.